Слѣдствіе закончѣно

Продолжение фантастического рассказа Слѣдствіе, повествующего о детективном расследовании, в древнерусском антураже.

***

… потом засмеялись все. Даже малолетний княжич. Потому что победителям смеяться можно.

А когда веселье затихло, из темного угла, где лежал отец Варсонофий, раздался странный звук. Словно кто-то пытался смеяться и пить воду одновременно.

Хома одноглазый опередил Ефима Козьмича на два шага, склонился над священником, удивленно сказал:

- Вот ведь – живой, анафема! Дышит еще. И веселится незнамо чему…

Ефим Козьмич преклонил колено. Варсонофий пускал кровавые пузыри. Улыбка на его лице смотрелась жутковато.

- Ловко ты меня…- прохрипел священник, узрев лицо Ефима Козьмича.- Горазд, ничего не скажешь…

- Не я,- с искренним сожалением ответил тот.- Князь батюшка постарался. Я бы тебя поберег, уж поверь. Гвоздей бы в кузнице подобрал со всем прилежанием, раскалил добела. Много к тебе вопросов, отче. А ты так легко отделался. Скажи спасибо князю – отпустил твою черную душу.

- Нет, это ты виноват… и правда – ухожу… думаете, что справились? Хех…- Варсонофий закашлялся, подавившись кровью, отдышался, перевел взгляд на стоявшего рядом князя.- Думаешь, все кончилось? Нет, шалишь. Знал бы ты, кто уплатил…

- Кто?- быстро спросил Ефим Козьмич.

Но Варсонофий закатил глаза и перестал дышать.

- Отдал богу душу,- перекрестился Хома.

- Нет,- твердо возразил князь Всеслав Борисович,- не богу. К диаволу отправилась черная душа. Изменникам к господу нашему хода нет.

Ефим Козьмич медленно и трудно поднялся с колена, оглядел опочивальню. У окна со слабыми стонами угасали двое фальшивых монахов. Еще двое давно уже лежали без движения.

- Хоть одного живьем брать надо было,- упрекнул Никиту Сивоуса Ефим Козьмич.- Может, разговорили бы.

- Так не давались,- принялся оправдываться Никита.- Мы уж к ним и так, и эдак – возражают! Еще мечами взялись тыкать… ну, мы в запарке и – того, переусердствовали.

- Ладно.- махнул рукой Ефим Козьмич, повернулся к князю.- Ты-то как, кормилец? Не задело? Я, грешным делом, когда тебя на шкурах узрел, думал – как бы соборовать не пришлось. А ты его словно кабана проткнул.

- Худо мне, старче, болею. Но, когда Варсонофий старух привел, а моего лекаря отослал, засомневался я что-то. Вот и притворился спящим, чтобы отвары их ведьмины не пить.

- Стало быть, тоже измену почуял?

- Почуял,- вздохнул князь, обессилено опустился на лежанку.

- А ты как, Глеб Всеславич? Не порезал тебя изменник?

- Ничего,- солидно ответил юный княжич,- обошлось.

- Тогда, уж простите старика, но займусь я нашими делами. Никита, бери своих людей. Чтобы в каждой комнате, у каждого окна, за спиной каждого слуги стояли. Хома, собирай на внутреннем дворе всех лучников. Даже если город возьмут, эти палаты должны выстоять.

Помощники кивнули и исчезли за дверями. А Ефим Козьмич развернул грамотку, что покойный священник собирался привязать к голубиной ноге. Вчитался.

- Что в ней?- спросил князь.

- Бессмыслица, княже. Видно, тайнопись. Сходу не разгадаю. Жаль, не поможет нам это письмецо. В монастырь ехать надо, там адресата искать, к разговору приглашать.

- В монастырь?- удивился князь.

- Голубь ведь монастырский. Мне недавно очень толково разъяснили, как работает голубиная почта,- улыбнулся Ефим Козьмич.

- А ты уверен, что монастырский?

Ефим Козьмич открыл, было, рот. Да и закрыл. А ведь прав князь! Огляделся. Но слуги, принесшего птицу, само собой, давно след простыл. А он второпях даже лицо его не запомнил. Поди, сыщи его теперь среди нескольких десятков слуг священника. Не пропускать же всех через дыбу… или попробовать? Не в одиночку же решил устроить покойник это черное дело. А слуги, особенно ближние, и слышат тайное, и видят скрываемое.

- Хома,- позвал негромко.

Помощник вырос рядом, словно ждал.

- Слуг священника к нам в избу острожную собери.

- Уже сделано,- сверкнул крепкими зубами Хома.- И постельничих, и конюхов, и ведьм этих, что батюшку опоить хотели. Грустные они все какие-то. Песен не поют.

- Ты бы тоже шибко не радовался, когда впереди плаха маячит. Первым делом отыщи среди них того, что за голубиную связь отвечал. И сюда его, родимого, со всей лаской и почетом. Как самого дорогого гостя.

- Ты это сейчас, верно, пошутил?

- Какие шутки? Под белы рученьки и вежливо, с уважением. Пыткой из него можно много выбить, да только вместе с правдой и напраслину получим. Он, Хома, над голубями был поставлен, знал, к кому та или иная птица полетит. Понял? Чьи почтари в клетке – тот и замешан в злодействе. Нам это точно знать нужно. Чтобы лишнюю работу не делать – пока невинных будем пытать, виноватый к ляхам уйдет.

- Понял, сделаем.

- И заодно на голубятню охрану поставь. Чтобы не упустили птиц, да чтобы не передушили. Есть одна мыслишка насчет них. Как к спокойной жизни вернемся, так и займусь.

В двери с шумом протиснулся боярин Данила Подкова.

- Нашли злодея?

- Нашли,- вздохнул Ефим Козьмич.- Вон он, лежит, остывает потихоньку.

Данила прошел в угол, поклонился князю, всплеснул руками:

- Матерь пресвятая богородица! Неужто наш святой отец? Поверить не могу. Он же вроде всегда за правду радел.

- На злато прельстился,- сурово сказал Всеслав Борисович.- Купили нашего божьего человека. Слаб оказался.

- А кто купил? Покаялся?

- Не успели узнать.

- Жаль,- вздохнул боярин.

- Нам тоже,- сказал Ефим Козьмич.- Ничего, у слуг поспрошаем.

Вернулся Хома. Встал в дверях – лицо унылое, растерянное, в руках шапку мнет.

- Что?- спросил, подходя к нему вплотную, Ефим Козьмич.

- Нашли мои ребята почтовых дел мастера. На внутреннем дворе, возле голубятни. Глянешь?

Они вдвоем вышли на улицу. Краем глаза Ефим Козьмич отмечал, что все его указания исполнены в точности. Княжий дом находился под крепкой охраной.

А вот с голубятником дело обстояло не так ладно. Он лежал за колодезным срубом, широко раскинув руки и ноги, будто хотел прикрыть своим невзрачным телом всю большую лужу. Под левой лопаткой торчала рукоять охотничьего ножа.

- И того, который князю служил, тоже…- сказал Хома.- Прямо на крыше, возле голубятни.

- А голуби…

- Вроде на месте.

- Вроде?

Ефим Козьмич во второй раз за сегодняшний день залез по скрипучей лесенке на крышу сарая.

Голубятник Епифан уставился застывшими глазами в небо. Кровь обильно пропитала рубаху.

- Умелый человек резал,- сказал Ефим Козьмич, оглядев рану.- Оба и пикнуть не успели. Мастер. Кто у нас в городе на такое способен?

- Ну,- задумался Хома,- если бы топором, я бы пару человек смог назвать. А ножиком – не припомню. Перевел ты душегубов местных. Одно ворье осталось. Поспрашиваю. Вон голуби, на месте.

Ефим Козьмич тяжело вздохнул:

- Это, Хома, княжьи голуби. Они отсюда не улетят. А чужие в той клетке сидели. Пустая… Пошли. Сорвался мой план. Опередили нас. Выходит, тоже не дураки.

Они спустились. Хома принялся веточкой счищать прилипшие кусочки птичьего помета. Ефим Козьмич смотрел на него, смотрел да и сказал неожиданно:

- А поставь-ка ты своих подручных на уши. Пусть весь город опросят, может, видел кто человека, чистившего одежду от помета. Уж если мы с тобой ничего не трогали и так извозились, то тот там и дрался, и голубей из клетки выгонял…

Весь день прошел в томительном ожидании. Но нападать никто так и не решился. Ближе к вечеру вернулась дружина. Привезли пятерых, завернутых в плащи.

- Было, как ты и думал,- рассказал воевода Илья Третьяк.- Влетели мы в скит на рысях прямо через главные ворота. С гиканьем и свистом. В общем, красиво вышло. Они и не выдержали – видно, ждали чего-то подобного. Кинулись со всех сторон. Не наши местные лиходеи, даже не нанятые степняки – у каждого меч, под накидками кольчуги бряцают, меж собой по-литовски перекликались…

- Откуда знаешь, что по-литовски?!

- Позапрошлый год с князем воевать ездили. Там и наслушался. Понимать не понимаю, а отличить могу. В общем, пока разобрались, они троих наших с коней ссадили. Но и мы им спуску не дали – порубили от души. Человек пятьдесят было, не меньше.

- А вас сотня. Ушли какие?

- Не без этого,- слегка смутился воевода.- Там же двор на реку выходит. Вдоль берега камыш выше всадника. Может, кто и ушел.

- Пленников взяли?- с жадным любопытством спросил Хома.

- Взяли. Да мы вообще всех там, кто живой остался, в амбар загнали. Решили без вас не отделять чистых от нечистых. Федул с десятком дружинников сторожить остался.

- Сюда их надо было,- огорченно сказал Ефим Козьмич.- Вопросов накопилось ужас как много. Ладно, утром сам съезжу. Пообщаемся. Ты своих не распускай. Пусть пыль дорожную смоют, да на охрану князя и города заступают. Потом отдохнем.

- Нешто я не понимаю,- кивнул Илья и пошел к дружинникам, что ждали у коновязи.

Ефим Козьмич вернулся к себе домой. Хома и Никита Сивоус встали перед ним, ожидая указаний.

- А прихватим-ка мы завтра с собой того нахала, что грозился все вино в кабаке выпить,- подумав, сказал Ефим Козьмич.- Думаю, он с литвинами лучше нас поговорить сможет. Заодно и посмотрим – не знакомы ли они между собой? Что слуги Варсонофия говорят?

- Да много чего,- хмыкнул Никита.- Вот только по делу как-то не очень. Бабки вообще клянутся, что их силком затащили.

- А те, что за столом прислуживали? Кто часто в гости захаживал? Опять же, где ларец, в котором Варсонофий свои бумаги хранил?

- Что в местном доме, то мы собрали,- сказал Хома.- А в монастырь нам хода нет. Там стены выше городских, и пономарь вредный. Либо штурмом брать, либо князя просить. Уж ему пономарь не откажет. Наверное.

- Ладно,- махнул рукой Ефим Козьмич,- завтра с божьей помощью продолжим. Хома, наших с охраны пока не снимай. Береженого бог бережет. Слуг пытать непрерывно.

- Кричат больно громко.

- Пускай кричат. Зато все в городе уважением проникнутся. И ищите тех, кто видел, как какой-то человек чистил одежду. Либо водой замывал. Найдите мне этого мастера ножевых дел.

Оставшись один, Ефим Козьмич уронил голову на сплетенные руки, уставился невидящими глазами в темноту под столом. Так ему обычно лучше думалось.

По всему выходило, что Варсонофий был только частью злодейского плана. Даже если бы он перед смертью не проговорился, убийство голубятников все равно указывало, что крамола затаилась, но опасной быть не перестала. Тот, кто возжелал гибели князя, оставался неизвестен. Значит, новая напасть могла прийти с любой стороны, в любом обличье.

И еще одно неприятное открытие сделал Ефим Козьмич, раздумывая над сложившейся ситуацией – неизвестный был все время рядом. Вон как среагировал – мгновенно, убрав голубятников и выпустив птиц. Кто теперь укажет на него? В признание слуг священника Ефим Козьмич верил слабо. Варсонофий был гордец и упрямец, но не дурак, чтобы такие вещи доверять слугам. Хотя… даже слабенький след может помочь следствию. Какой-нибудь намек. Жаль, что голубятник умер. Подсказка князя словно кипятком обдала – среди чужих птиц вполне могли быть не только монастырские. И грамотку, написанную тайными словами, Варсонофий, скорее всего, отправлял не в монастырь. Либо в скит литвинам, либо…

Выходило, что адресат все-таки был не в городе. Тут проще грамотку через слуг передать – и быстрее, и вернее. Пока голубь налетается, пока с него грамотку снимут, пока отнесут… эдак и опоздать можно. Значит, за городом. Тут не скорость важна, а связь. Обмен мыслями. На пергаменте слов двадцать – явно не приказ литвинам к нападению. Значит, не им. Тогда – что? Доклад о ходе дела? Да, скорее всего. Тому, кто восхотел взойти на княжий престол? Не обязательно. Кому тогда? Да тому, кто руководит злодейством, кто Варсонофия купил, кто убийцу подослал, кто литвинов снарядил, кто научил купцов рыдать. Тому, кто после удачного завершения поднесет княжество новому господину, который сегодня, возможно, и не ведает о страстях, разгоревшихся здесь…

В горницу осторожно заглянул Прошка. Ефим Козьмич определил это по еле слышному знакомому дыханию.

- Не сплю,- сказал он громко.

- Там боярин пришел. Поговорить хочет.

- А ты, чучело, боярина в сенях держишь?

- Так я ж не знал… может, вы почивать изволите…

- Пригласи его, да не мешкай.

Ефим Козьмич со стоном распрямил больную спину, встал из-за стола. А тут и Данила Подкова пожаловал.

- Ну и устроил ты в нашем тихом болоте кутерьму!- с порога прогудел гость.- Весь город как басурманский базар шумит.

Ефим Козьмич втянул носом воздух.

- Да ты, боярин, никак хмельным баловался?

- Исключительно с радости,- заверил Подкова, усаживаясь на обитую лохматой козлиной шкурой лавку.- Исключительно! Крамола изведена, князь-батюшка в безопасности… чего молчишь?

- Так-то да. Изведена крамола. Но не до конца,- вздохнул Ефим Козьмич.

Боярин вздел бровь. Помолчал. Да и вдруг сказал:

- Я так и думал. И волхвы о том же говорили. Предупреждали еще вчера, да ты их слушать не захотел.

- Что-то не припомню я в словах твоего Тригора даже намека на знание. Одни общие слова, да слабенькое обещание в слухах покопаться.

- Они этим миром тысячу лет правили. Теперь, перед уходом, хотят помочь, а ты их гонишь,- с укоризной сказал Подкова.- Или сам справишься? Уверен?

- Ни в чем я не уверен,- хмуро ответил Ефим Козьмич.

- Ну, тогда давай с ними еще раз встретимся. Нет так нет, за спрос не бьют. А если вправду укажут ворога? Хоть сейчас можем отправиться.

Ефим Козьмич задумался, потом отрицательно качнул головой:

- Давай завтра. Сегодня устал я сильно. А завтра ввечеру и поговорим с волхвами. Где искать знаешь?

- Конечно!- встрепенулся боярин.- Завтра в это же время заеду. Много народа с собой не бери – волхвы пуганые стали,- и громко захохотал.

На том и расстались.

Ранним утром за забором заржали лошади. Ефим Козьмич торопливо оделся, на ходу выпил кружку компота, съел свежайшую баранку, да и вышел на улицу.

Двадцать конных горячили своих лошадей. А у калитки в непринужденной позе стоял бывший кнехт. И Хома рядом с ним.

- Доброе утро,- поздоровался Ефим Козьмич.- Ничего, что в такую рань спать помешали? Давай уж плотнее знакомиться. Меня зовут Ефим Козьмич. Этого одноглазого молодца, что плетью играется – Хома. А ты кто таков?

- С одноглазым знаком,- ухмыльнулся мужчина.- И о тебе наслышан, можешь не сомневаться. А я – чего ж скрывать – зовусь Федором, сыном кузнеца Фаддея из села Постромки. Только нет давно ни кузнеца, ни кузницы, ни села. Сожгли его славные рыцари Ливонского ордена.

- А ты в благодарность за это к ним на службу пошел,- в голосе Ефима Козьмича не было даже намека на упрек.

- Говорил уже – мал был, в полон увели. В веру свою обращали.

- Не обратили?

- А я еще мальцом врать был горазд,- засмеялся Федор.- За что тятя бил вожжами неоднократно. Пригодилось умение-то.

- Язык родной, выходит, не забыл?

- И язык сохранил, и веру отеческую.

- А литвинцев язык понимаешь?

- Двенадцать лет среди них прожил. Не хуже родного знаю.

- Вот и ладно,- подвел итог разговору Ефим Козьмич.- Как раз сейчас к ним в гости собрались. А толмача нет.

- Так они же далеко живут,- удивился Федор.

- Некоторые сами к нам пожаловали. Эй, малый на кауром! Отдай коня этому молодцу, а сам можешь домой к женке вернуться. Хома, ты командуй выезд, но за нашим новым другом все равно приглядывай. Федор, не обижаешься на старика за такое недоверие?

- Меч оставили, коня дали,- улыбнулся Федор.- Уж если это недоверие, то оно мне нравится!

Возвращался Ефим Козьмич в город без настроения. Литвинов спрашивали по всей строгости, но толку не было. Главный их, когда стало ясно, что бой проигран, ушел из скита с ватагой, а те восьмеро, что в полон попали, ситуацию прояснить не могли по причине того, что никто их в планы не посвящал. Только и выяснили, что кто-то набрал наемников, щедро отсыпал аванс, да и обещал полное покровительство.

Федор переводил исправно, что подтвердил Егорка Новогородов, знавший литовскую молвь ничуть не хуже бывшего кнехта. Ни с кем не перемаргивался, тайные знаки не выказывал – в общем, знакомцы среди пленников не сыскались.

С одной стороны – хорошо, с другой – и эта ниточка оборвалась.

Подъехали к острожной избе в молчании. А на пороге – Никита Сивоус стоит, улыбается.

- Ох, и задал ты нам задачку,- говорит.- А мы ее таки решили.

- Какую задачку?- спросил Ефим Козьмич, трудно слезая с коня.

- Да про вымазанного птичьим пометом.

- Поймали?!

Сивоус немного смутился:

- Ну, ты все сразу хочешь. Нет еще. Но нашли бабу, которая помогала ему пятна с рукава оттирать. Тут она, тебя дожидается.

Ефим Козьмич торопливо направился к избе, а Сивоус зашагал следом, добавил вполголоса:

- Только ты, это… терпения наберись. Все ж таки баба – тараторит без умолку, что надо и не надо. У меня от нее голова уже распухла.

- За совет спасибо,- ответил Ефим Козьмич, входя в тесную горницу.

Баба оказалась не такой уж старой, как он сперва подумал. Судя по повойнику и орнаменту передника – вдовица. Бездетная. Не богатого рода. На пропитание зарабатывает огородом.

Увидев Ефима Козьмича, баба спрыгнула с лавки и бухнулась ему в ноги.

- Свет ты мой, господин Ефим Козьмич,- запричитала она, вцепившись в его колени,- сто лет тебе жизни, счастья в дом, да внуков поболе! Отпусти, Христа ради! Ничего не сделала, ничего не сказала! Батюшку нашего князя, сокола ясного, люблю паче отца родного! Муж мой, Евсей, голову сложил прошлым летом, в походе на степняков окаянных! За это Всеслав наш Борисович, дай ему боже княжить вечно, мне две гривны серебром лично вручил, чтоб его на небесах ангелы катали, когда срок придет! Ничего не знаю, никому худа не сделала! За что в этой страшной избе держат?

- Встань, вдова,- сказал Ефим Козьмич, тщетно пытаясь высвободиться.- Никто тебя ни в чем не обвиняет. Вот спрошу тебя сейчас кое о чем – и иди ты на… на все четыре стороны. Да вставай же!

- Ой, не встану! Ой, боюсь я тебя, вопросов твоих боюсь! И слуг твоих боюсь, взглядов их нескромных!

- Так,- строго сказал Ефим Козьмич,- ты на моих помощников напраслину не возводи. Служба у них такая – покой князя беречь. От того и взгляды пристальные. Да ты будешь на вопросы отвечать, или тебя в холодную определить на пару дней?! А ну, встать!

Вдовица торопливо вскочила, путаясь в длинной юбке.

- Кому вчера помогала птичий помет с одежды счищать?- грозно спросил, воспользовавшись мигом тишины, Ефим Козьмич.- Ну, вспоминай, вдова Евсеева! Живо! И без причитаний тут. Кратко и по делу. Поняла вопрос?

- Да как же, батюшка, не понять,- всхлипывая, ответила вдова.- Очень простой вопрос. Чего же не ответить? Когда так спрашивают, и отвечать легко. Вот, к примеру, ваш усатый помощник так не умеет спрашивать. Все вокруг да около ходил. В гости наведаться обещал… соврал, думаю…

- Кому помогала?- по слогам повторил вопрос Ефим Козьмич.

Вдова понимающе закивала:

- Так он у уличного колодца стоял. Обувку, значит, мыл. А я мимо шла, смотрю – на рукаве пятно. Сама, бывало, в птичнике возишься, да и не углядишь, как помет пристанет. Они же – в смысле птицы – только что на потолок не гадят! Зайдешь на минутку, а выйдешь…

- Как он выглядел?- сквозь зубы процедил Ефим Козьмич.

- Птичник?

- Нет. Тот, которому ты пятно замывала, добрая женщина.

- Высокий. Зипун, мехом подбитый. Я еще удивилась – на улице тепло, а он мехом подбитый. Хотя батюшка мой, не тот, который князь, а родной отец – тот и летом в меховой душегрейке ходил. Прямо на голое тело надевал. Даже спал в ней. Овчина – она ведь ни блох, ни вшей не принимает. Из-за этого ее свойства младенцам в колыбель овчину стелют. И тепло дитю, и вошки не донимают…

- Волос какой? Светлый, темный, рыжий?

- Да где вы, батюшка Ефим Козьмич, рыжих овец видели? Они ж только белые и черные бывают…

- Я про незнакомца,- теряя терпение, сказал Ефим Козьмич.

- А! Вы про этого? Так бы сразу и сказали. Русый. Точно – русый. Но какой-то темноватый. Борода смешная – из нее перья торчали! Я еще подумала тогда – до чего же смешная борода…

"И чего ж он ее у колодца не зарезал?"- с тоской подумал Ефим Козьмич.

Было слышно, как в сенях безуспешно давился смехом Никита Сивоус.

- Шрамы какие-нибудь были у него?

- А, так вы его тоже знаете?- обрадовалась вдова.- Знакомого разыскиваете? В нашем городе немудрено потеряться. Я на днях несла репу на рынок, а оказалась, знаете где?

- Не знаю и знать не хочу!- рявкнул Ефим Козьмич.- Где у него шрам? На лбу? На щеке? Где?

- Да что вы кричите так,- обиделась вдова.- Я ж объясняю – через левую щеку. Под бородой, правда, плохо видно. Но я разглядела. Я вообще такая глазастая! Один раз, помню…

Ефим Козьмич резко развернулся и деревянным шагом вышел из горницы. Кивком подозвал багрового от смеха Никиту:

- Вдову прогнать. Всех на поиски высокого незнакомца в зимнем зипуне на меху. Темно-русый, бородатый, на левой щеке шрам. Перерыть весь город. Живьем брать! И смотрите мне, сволочи!

- Да он уже сбежал, наверное,- предположил Хома.

- Не мог он сбежать. Мы вчера городские ворота закрыли, стражу удвоили. Отсиживается где-нибудь. Да и вряд ли такого душегуба наняли ради одних голубятников. Здесь он.

Первая новость пришла ближе к вечерне. Бородатого незнакомца в зипуне заметили на постоялом дворе позади рынка. Здание тут же оцепили.

Едва Ефим Козьмич вошел в трапезную постоялого двора, как сразу увидел незнакомца. И сразу понял – он.

Понял все и незнакомец. Встал, не спеша, прижался спиной к закопченной стене.

- Не балуй,- негромко сказал Ефим Козьмич.- Отдай нанимателя, тогда отпущу. Слово даю.

- А далеко ли уйду?- усмехнулся незнакомец.- Что так, что эдак – все одно помирать. Смерти не боюсь, давно под ней хожу. А живым даться – пытать будете. Оно мне надо?

И, выхватив из рукавов два длинных ножа, отчаянно кинулся на Ефима Козьмича.

В шаге будто споткнулся, всплеснул руками. Ножи разлетелись по сторонам серебряными рыбками.

- Я ведь просил – живьем брать,- с неудовольствием сказал Хоме Ефим Козьмич.- Эх, опять ниточка оборвалась.

- За тебя переживал,- буркнул покрасневший Хома.- Уж больно ловкий. Был.

Вперед протиснулся увязавшийся за всеми Федор. Всмотрелся в лицо убитого, присвистнул:

- А ведь я его знаю. Он в том же кабаке, где я вином баловался, ночевал. А вчера утром исчез.

- Да?- рассеяно спросил Ефим Козьмич.

- Ну, правду говорю. К нему еще какой-то мужичок приходил несколько раз. Смешной такой. Одно плечо выше другого. И говорил потешно – "шлушай, щегодня".

Ефим Козьмич и Хома переглянулись.

- А ты, часом, Феденька, не во хмелю это видел?- ласково спросил Ефим Козьмич.- Может, привиделся тебе убогий после кувшинчика зелена вина?

- Я могу бочку выпить, и при этом в здравом уме останусь,- фыркнул Федор.

- И ты слышал их разговоры?

- Нет, конечно. Просто кривой все время мимо меня протискивался, вот я его и запомнил. А слова – так не всегда они шепотом разговаривали. Кое-что долетало.

- Как же это?- спросил Хома.- Выходит, что…

- А вот об этом давай пока помолчим,- строго сказал Ефим Козьмич.- И вообще, мне пора на встречу с волхвами ехать. Страсть как любопытно – что скажут волшебники?

Данила Подкова и Ефим Козьмич ехали верхами бок о бок. Разговаривать не хотелось обоим. Да ночная дорога через вековой лес к душевным беседам и не располагала.

Сзади в двадцати шагах плелись слуги, по ходу перемешавшись в одну общую ватагу. И было их всего шестеро – по трое на каждого из хозяев.

За полночь на дорогу из тьмы вышел человек в длинном светлом одеянии, с посохом в руках.

- Ваши люди останутся тут,- строго сказал он.- Вам же надлежит доехать до перекрестка и свернуть вправо на тропу. У большого камня оставите лошадей и дальше пойдете пешком.

- Не заблудимся?- только и спросил Ефим Козьмич.

- Там вас встретит Тригор.

- А, ну если встретит… тогда ладно.

У большого камня спешились.

- Вернемся, а лошадок волки съели,- усмехнулся Ефим Козьмич.

- Здесь не бывает волков,- странным голосом ответил боярин.- Здесь живут волхвы. Это их земля.

- Вообще-то, это земля нашего князя Всеслава Борисовича.

Подкова искоса посмотрел на товарища, хотел что-то сказать, но сдержался.

- Удивительное дело,- продолжал негромко рассуждать Ефим Козьмич,- уже сколько лет, как вера христианская на Руси воцарилась, а некоторые до сих пор в душах своих языческим богам поклоняются.

- Считаешь это неправильным?

- Считаю. Нельзя всем богам одновременно молиться. Это как служить нескольким князьям. Думаю, уж если выбрал себе бога и князя – будь верен до конца.

- Так никто тебя верить в Перуна и Сварога и не заставляет,- хмыкнул боярин.- Но и не воспользоваться знанием волхвов в такое трудное время – глупо.

- Ну да, ну да… в нашем деле все сгодится.

- Вот, и я о том же.

От кустов отделилась черная тень.

- Привет вам,- сказал Тригор.- Пойдемте, я покажу дорогу. Вообще-то по закону я должен завязать вам глаза.

- В такую-то темень?- усмехнулся Ефим Козьмич.- Ты, волшебник, с тайнами того – не перебарщивай.

- Не буду,- легко согласился Тригор, повернулся и зашагал по тропинке. Боярин и Ефим Козьмич заторопились следом.

То, что впотьмах показалось горой бурелома, оказалось входом в небольшое подземелье.

- Прямо медвежья берлога,- тихо пробурчал Ефим Козьмич.

Но Тригор услышал.

- Верно. Берлога. Правда, хозяин давно отсюда ушел. А мы расширили, углубили. Получилась удобная пещера.

Посреди пещеры горел очаг, дым от которого столбом уходил в дыру на потолке.

Вокруг очага лежали шесть плоских камней. Даже при таком тусклом освещении на камнях ясно виднелись вырезанные рисунки.

На очаге в самом обычном котелке бурлила какая-то жидкость.

- Дошли, что ли?- Ефим Козьмич изо всех сил постарался, чтобы в голосе не было заметно разочарования.

Да, он верил в Христа. Но желание чуда в русской душе искоренить невозможно никакими средствами. А волхвы – это чудо. Так еще его бабушка говорила.

- Сядем на эти камни,- ровным голосом предложил Тригор.

- На какой садиться можно?

- На любой. Только через один.

- Будем втроем?

- Пока – да. Потом, когда начнется таинство, к нам присоединятся духи. Вот для них мы и оставим места. Сразу предупреждаю – не надо пытаться коснуться духов. Без должной подготовки, которой у вас нет, не было и не будет, можно все испортить.

Ефим Козьмич тяжело опустился на низкий камень, подумал, вынул из ножен меч, отложил в сторону. Подкова, несмотря на свои размеры, сел куда ловчее.

Тригор не стал садиться, зачерпнул из котелка ковшом кипящую жидкость.

- Нужно выпить по глотку,- сказал он.- Не бойтесь обжечься. Это волшебное зелье.

И выпил первым. Протянул ковш Подкове – тот с опаской отхлебнул, закашлялся. Отпил кислого отвара и Ефим Козьмич.

- Сейчас наши мысли объединятся,- сказал Тригор.

- Очень интересно,- ответил Ефим Козьмич.- Наши тайные мысли станут доступны друг другу?

- Да.

- А, может, не станем ждать, пока варево подействует? Сразу поделимся, а? Подкова? Скажи как на духу – зачем ты решил убить князя? Подкупил священника. Нанял литвинов. Наемного убийцу позвал.

Зачем? Кому ты княжий стол хотел передать?

В пещере повисла тягучая тишина.

- Догадался, значит,- прошептал, наконец, боярин.

- Да уж, догадался. Ну, ответишь?

- Отвечу!- с вызовом воскликнул Подкова.- У меня на княжение прав не меньше, чем у Всеслава! Я тоже Рюрикович! И что? Всю жизнь проходить в боярском чине? Ну, уж нет.

- Стало быть, для себя? Ну что ж, это понимаю. А волхвы тут причем? Ты же крещеный христианин.

- Соединив власть и ведовство, я стану всемогущим!- заорал боярин.- Понимаешь? Христос для Руси чужой! Мы вернемся во времена наших предков! Я соберу все окрестные земли силой оружия и волшебства!

- Ты когда в уме повредился?- с интересом спросил Ефим Козьмич.- Или тебе волхвы нашептали подобные мысли? Тригор – ты морок на боярина навел? Ну, признавайтесь, ребята, кто кого заманил?

- А я думал, что ты мою сторону примешь,- огорченно сказал Подкова.- Мы бы с тобой такого наворотили…

- Зря все это,- равнодушно произнес Тригор.- Не старайся, Рюрикович. Он – верный пес князя Всеслава. Кто там? Убейте его.

За спиной Ефима Козьмича зашуршала ткань, скрывавшая тайное помещение. Чего-то такого он и ожидал, поэтому взвился с камня, словно не болело старое тело, подхватывая с земли меч, ногой ловко пнул котелок над очагом. Жидкость дымящейся струей окатила волхва с ног до головы.

Раздался дикий рев обожженного Тригора. Но Ефим Козьмич на него более не отвлекался. Он уже скрестил мечи с двумя воинами в ливонских кольчугах.

Снаружи тоже раздался звон оружия. В пещеру влетел Никита Сивоус, следом еще кто-то. Втроем они мигом оттеснили литвинов в угол, где и вскоре покончили.

Ефим Козьмич вылез из берлоги. Вокруг в кромешной темноте слышалось хриплое дыхание, лязг мечей, да вопли умирающих.

Из-за тучи выглянула луна. В ее призрачном свете Ефим Козьмич увидел, как бывший кнехт Федор двуручным мечом отбивался сразу от троих, да еще и прикрывал Хому с той стороны, где у того не было глаза.

Он понаблюдал за схваткой, а когда силы литвинов пошли на убыль, снова вернулся в пещеру.

Боярин Подкова все также сидел на камне. Рядом с ним стоял Сивоус с обнаженным мечом.

- Убежать хотел,- объяснил он ситуацию.

- Договорим, пожалуй,- Ефим Козьмич сел напротив боярина, положил меч на колени.- Понимаешь, я кого только не подозревал. Даже младого княжича, грешным делом. А ведь бывали случаи отцеубийства, чего там. А тебя – ни боже мой. Даже когда ты ко мне волхва притащил. Все дело было в голубях.

- Причем тут голуби?- хмуро спросил Подкова.

- Связь. И ты понимал не хуже меня, что через почтовых птичек я тебя найду мгновенно. Покойный Епифан объяснил – голубь летит туда, где вылупился. Где у него гнездо. И тут я сообразил – если бы крамолу затеял чужой князь, то отцу Варсонофию пришлось бы держать для связи с ним кучу голубей. И в городе, и в монастыре. А своих для ответа возить к нему. Десятками, понимаешь? А я что-то не припомню, чтобы к нам когда-нибудь завозили почтовых голубей. Значит, птицы должны летать не далеко. В пределах княжества. Но тут другая проблема появляется – чтобы заговор прошел успешно, за ним нужно постоянно следить. То есть, обмен голубями должен идти непрерывно. Значит, дальние уголки княжества тоже отпадают. День пути от города, не больше. Я просто обвел на карте круг, соответствующий дневному переходу, добавил для верности еще пару верст. Знаешь, какие поместья вошли? Твои! И еще десяток деревень и сел, у жителей которых не было ни единой причины бунтовать. Ну, и монастырь, конечно.

Когда ты понял, что я добрался до Варсонофия, ты запаниковал. И отправил наемного убийцу затереть все следы, связанные с голубями. Пока мы спасали князя, он зарезал голубятников и выпустил птиц. Те, конечно же, преспокойно разлетелись по своим гнездовьям. Чистая работа. Ну, а как я нашел убийцу, тебе уже вряд ли интересно.

- А на меня как вышел?- спросил Подкова.

- Смешно получилось. С убийцей ты общался не через голубей, а по старинке – через гонца. И выбрал для этого самого запоминающегося из своих слуг. Того, которого в городе каждая собака знает. Кривобокого и шепелявого Евлоха. Что так? Больше некому было довериться среди своих?

- Ладно,- махнул рукой боярин.- Твоя взяла. Веди меня к князю. Он все-таки родственник, может и простит.

- Вот этого я и боюсь,- вздохнул Ефим Козьмич, подхватил меч и проткнул тяжелую медвежью шубу боярина аккурат напротив сердца.- Борись с твоими кознями через несколько лет снова. Нет уж, прощай, Подкова.

- Что скажем князю?- деловито спросил Сивоус.

- Правду, конечно. Погиб боярин в схватке с литвинами. Царствие небесное лихому боярину. Аминь.

Они вышли из пещеры. Бой давно затих. Оставшихся в живых наемников повязали. На стонущего волхва никто не обращал внимания.

Ефим Козьмич подозвал Федора:

- Значит, так, Федор, Фаддеев сын. В Киеве тебе делать нечего. У тамошнего великого князя таких воинов – пучок за медяк. А у нас жить можно. Вдову подберем, да, Сивоус? Только перед свадьбой язык укоротим на сажень. Вместо вин иноземных научишься сбитень пить. Опять же, князю толковый толмач под рукой всегда пригодится. Ну что, уговорил?